

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ

М. Я. СЮЗЮМОВ

ПРОБЛЕМЫ АСИНХРОННОГО РАЗВИТИЯ В ДРЕВНОСТИ

(К постановке вопроса)

Каждые крупные социально-экономические, культурные явления в развитии определенной общности или региона можно рассматривать в аспекте генетическо-каузальном с различных сторон: считать прогрессивное развитие спонтанным, самобытным, с точки зрения этнической миграции; считать развитие привнесенным появившейся новой общностью; полагать, что данное развитие осуществилось в результате синтеза, смешения институтов двух развивающихся самобытных общностей. Но при конкретных исследованиях социально-культурного характера неизбежно определение *синхронности развития данной общности в системе периодизации закономерного исторического процесса*. Каждая формация имеет свои закономерности, и если соседние общности находятся в различных стадиях развития, то при наличии между ними контактов наступает период взаимодействия взаимно отличающихся закономерностей, поэтому в странах разных формаций *явления, совершающиеся одновременно, следует рассматривать в аспекте их неодновременного-асинхронного развития* в общей схеме периодизации истории человечества.

Вступление в контакты асинхронно развивающихся стран создает особые закономерности, которые вносят коррективы, иногда решающие, в спонтанное развитие целых регионов, стран, народов. Любой регион, любая часть человечества подчинены закономерности, выражающейся в последовательном переходе на более высокую в периодизации истории человечества формацию.

Прогрессивное развитие свойственно каждой человеческой общности независимо от расы, но темпы развития, специфика прохождения по пути закономерного прогресса зависят от разных факторов — климата, ландшафта, природных богатств, особых условий, характерных для данной общности. В результате воздействия различных внутренних факторов, стимулирующих или тормозящих созидательную деятельность в единстве труда физического и умственного, развитие отдельных общностей стало неравномерным. Отдельные общности выдвигались быстрее на авансцену истории человечества, другие же стали отста-

вать, даже стабилизировать общественный строй в длительном застое.

В числе факторов, влияющих на темпы и характер развития отдельной общности, особую роль играют и внешние условия, связи с соседними общностями.

Роль внешнего фактора нельзя недооценивать, так как внешний фактор может превратиться во внутреннюю ситуацию!

У многих исследователей (особенно в германской шовинистической историографии) проявляется тенденция во что бы то ни стало отрицать и преуменьшать роль внешних влияний, объясняя все явления внутренних изменений только самобытным развитием. Такой отрыв внутренней политики от внешних связей недопустим для историков-марксистов.

Внутренняя и внешняя политика имеют неразрывные связи. «...Вся внутренняя структура самой нации зависит от степени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения»².

«Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская и ненаучная мысль»³. В. И. Ленин писал это, имея в виду империализм, однако сказанное может относиться и ко всем эпохам, в том случае, если страны имеют определенные связи между собой.

Внешние влияния всегда имеют двойственный характер — деструктивный и конструктивный, и при известных условиях из фактора внешнего превращаются в вопросы внутреннего развития, со всеми последствиями этой метаморфозы в процессах классовой борьбы.

При наличии внешних влияний все зависит от стадийности, от этапов развития вступающих во взаимные контакты стран.

Что касается тех суверенных обществ, которые находятся на одинаковой ступени закономерного развития, то подобные внешние влияния являются только *информациями*, в принятии которых господствующий класс заинтересован и к внедрению в жизнь этих влияний общество фактически уже подготовлено.

При таком параллельном, синхронном пути развития, какое мы можем наблюдать в отношениях стран Малой Азии, Греции и Рима в античности, взаимные культурно-экономические, политические и идеологические влияния распространялись с удивительной быстротой.

В синхронном развитии мы видим диалектическое соединение глубоких начал устойчивости и в то же время неуклонные прогрессивные изменения в общественных институтах и идеологии. Мы видим в античности противопоставление свободных и рабов, соединение эксплуатации индивидуального рабства с порабощением подвластных народностей, самоуправляющиеся полисы.

Мы можем отметить быстрое развитие элементов экономической интеграции и вместе с тем конфликты на почве распределения выгод от развившейся интеграции. В то же время в условиях наличия опасности со стороны эксплуатируемых масс, при стремлении сохранить местные обычаи и традиции, быстро развиваются стремления к широкому объединению господствующего класса территориально и сужению его со-

става в социальном смысле путем внутренней дифференциации, что приводило к изменению форм эксплуатации, к новой идеологии и революционной ситуации. Таково самобытное развитие синхронно развивавшихся стран средиземноморских и Ближнего Востока. Оно завершилось созданием мощной общности рабовладельческого класса в форме Римской империи: *Rex Romana*, и вместе с тем обострением внутренних, порожденных этим развитием противоречий и гибелью рабовладельческого строя.

Глубокое развитие производительных сил, обусловленное рабовладельческим способом производства, привело к невыгодности труда рабов и к поискам рабовладельцами новых форм эксплуатации, к появлению новых институтов⁴, для полного внедрения которых в новый способ производства требовалось предварительное перемещение собственности и схождение со сцены рабовладельческого класса⁵.

Таков синхронный переход рабовладельческих обществ от неразвитого к развитому и, наконец, к разлагающемуся в спонтанном развитии.

Жизнь показала, что наряду с действием спонтанных закономерностей рабовладельческого строя в античности остро ощущалось и влияние моментов асинхронности, наличие соседних суверенных стран, находящихся на более низких стадиях развития. Эти влияния от размеров случайных, спорадических в рамках торговых связей выросли в особую историческую ситуацию со всеми катастрофическими ее следствиями.

* * *

Перейдем к *асинхронным путям развития*, в первую очередь к противопоставлению рабовладельческого и родоплеменного обществ. Примитивное общество издавна, начиная с Геродота, внимательно изучалось. Вплоть до нашего времени о родовых отношениях написано было много и панегириков и псогосов! С другой стороны, во все времена было много восторженного восхищения великой эллиноримской цивилизацией, ее влиянием на первобытных варваров, целый ряд исследователей специализировался на собирании фактов ужасного положения поработенных народов; их мучений и страданий от поработителей — римских чиновников и крупной рабовладельческой знати. Считалось, например, что кроме страданий и унижения римское влияние германцам ничего не доставило! Таковы противоречия в субъективной исторической старой науке. Нельзя, конечно, идеализировать родоплеменное общество, как это делали при Моргане. Эксплуатация человека человеком существовала и в разгар родовых отношений. Первобытный человек поедал человека из враждебного племени; позднее побежденных врагов захватывали и держали для услуг в своей семье (особенно женщин); потом, при некотором развитии производительных сил, обращали в рабство, сначала «патриархальное», но уже с правом жизни и смерти над рабом, наподобие домашней скотины. Патриархальное рабство было в основном стимулом для превращения родового строя в мелкое рабовладельческое квазикрестьянское хо-

зайство, которое впоследствии стало мощной опорой раннерабовладельческой демократии вплоть до торжества крупного рабовладения.

В примитивном обществе «идеальные» отношения человека к человеку касались только лиц своего рода или племени, но в отношениях прочего мира господствовали стремления к захватам, порабощениям. Другими словами, тенденция к рабовладельческому строю была имманентно присуща всему родоплеменному обществу: внутренняя ассоция в малых общинах — и всеобщий антагонизм в их отношениях между собой.

* * *

Установление и рост контактов между странами разной стадийности связаны в основном с закономерностями роста передовой культуры, которая, естественно, стремилась к расширению использования знакомства с окружающим миром для возможностей эксплуатации. С другой стороны, чрезвычайные обстоятельства в родовом обществе, особенно кочевом, заставляли искать дополнительные территории для жизни, почему они в странствовании и сталкивались с передовыми странами.

Как закономерно развивается асинхронная связь? Мы имеем в виду первоначальные мирные контакты с ближайшими соседями Рима, а не завоевания. Знакомство с передовой культурой проходило в отсталых странах при обмене. Невиданный предмет роскоши, привезенный торговцем из страны эллинистического или римского мира, становился объектом всестороннего рассмотрения. Сила цивилизации, заключенная в предметах, превращалась из *объекта наблюдения* в *субъект влияния*, а сама *варварская верхушка*, очарованная предметами роскоши, из *объекта внешнего влияния превращалась в субъект энергичного проводника этого влияния* на определенные массы своего племени...

Пусть это влияние было самым минимальным. Но влияние предметов потребления более высокой культуры фактически становится какой-то объективированной внутренней силой более высокого способа производства. У определенной прослойки проявляется воля пользоваться предметами общества — обладателя таких вещей. Поскольку эта воля основана на влиянии сил прогресса, она вносит определенное направление деятельности для племени в целом. Каким бы слабым ни было влияние, но, порожденное новым способом производства, оно приобретало определяющий и необоримый характер. Это закон исторической корреляции, неодолимости нового, как важнейшая особенность всякого развития... И отдельные лица, которые могли обладать недоступными для прочей массы предметами, несомненно приобретали авторитет, закрепляющий их положение над прочим населением⁶.

Стремление племенной знати приблизиться к благам культуры было неосуществимо внутри племени, так как производственные отношения в примитивном обществе были неразвиты. Но стремление к более высокой культуре дало направленность деятельности родоплеменного общества в сторону превалирующей войны и грабежа⁷. Разумеется,

обмен мог дать знати блага высокой культуры — вот пример отношений римлян и германцев в условиях мира: римским купцам нужны были янтарь, меха, женский волос для причесок, свиные окорока и в особенности сильные германские рабы... но чтобы получить эти предметы, нужно было добыть их от соседних племен грабежом, через межплеменные войны! Руководящая племенная военная знать стала фактически торговым посредником между натуральным примитивным хозяйством племенного общества и рабовладельческим строем, что определенно *извращало примитивный быт родовых связей*⁸.

Как только в страну проникает внешняя торговля, там начинают действовать общие законы товарного обмена. Примитивное общество осознавало внешнее влияние на свои устои и пыталось вести с ним борьбу — так Цезарь (11, 15) сообщает, что беллоаки даже запрещали проникновение в страну купцов, так как это оказывало отрицательное влияние на нравы беллоаков.

Вместе с тем вожди племенной знати обычно стремились получить некоторое воспитание у римлян в качестве заложников или же осваивали элементы культурного быта в качестве наемников в армии или в походах вспомогательных варварских войск!

Всякая удача в походах, всякая добыча делала группировку все влиятельнее, и стремления иметь удобства более высокой культуры приводили к тенденции перейти на новую ступень развития, с новыми отношениями между знатью и остальным племенем. Разумеется, это вызывало сопротивление основной массы племени, которая не имела внутренних предпосылок перехода на новую ступень развития.

Перевести на новый вид производства массу племени было невозможно. Но вовлечь массу в грабительские походы при наличии тенденции к более высокому уровню жизни было уже легко.

Стремление военной грабительской верхушки общества уже проявлялось в элементах перехода к созданию государственной машины. Однако положение новой формирующейся знати было двойственно: она в походах использовала власть над массой, но без этой поддержки не имела возможности продолжать свои наступления на соседние страны. Эта верхушка германских племен имела руководящее влияние на народных собраниях, в призывах к походам.

В спонтанные закономерные для родового строя отношения действительно вторгались чуждые элементы... Это было уже не самобытное развитие родоплеменного общества, а асинхронное.

Оставаясь по формации, по внутреннему способу производства родоплеменным, такое общество германцев, однако, по направлению процесса своего развития уже не было таковым. Общая направленность такого развития — или стремиться путем порабощения соседних племен к созданию подобных форм эксплуатации — зависимости, данничества, или же прямо без предварительного внедрения в широких массах рабовладельческого способа производства в качестве военной привилегированной прослойки войти в развитое рабовладельческое общество. Отсюда — массовое стремление германцев включаться в римскую армию.

Совершенно иной характер приняло асинхронное развитие родоплеменных общностей IV в. н. э., когда рабовладельческий строй по мере своего развития стал приходить к новому качеству, когда в передовых странах завершались юридически оформляемые поиски господствующим классом новых форм эксплуатации, которые заменили бы ставший нерентабельным рабский труд. Рабовладельческий способ производства, давший великую античную культуру, не просто погиб, но *оставил в наследство* по позднему римскому праву *новые институты*: развитой пекулий, адскрипцииев, патронат, прекарий, свободных колонов, по эдикту Анастасия, — институты, вполне пригодные для феодализма. Конечно, для превращения их в новый способ производства следовал долгий переходный период революционной ситуации и перемещения собственности и, в основном, ликвидации господства рабовладельческого класса.

В Римской империи начался переходный период со своими характерными особенностями — деструктивными и конструктивными. Проблемы переходного периода как особой эпохи (в марксистской теории о формациях), как эпохи создания условий для победы нового способа производства иногда недоучитываются в исторической литературе. Между тем В. И. Ленин отмечал своеобразный характер переходного периода именно как *особой эпохи*: «Не только для марксиста, но и для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, ясна сама собой»⁹.

Самое яркое представление о переходном периоде от рабовладельческого строя к феодальному дано у Ф. Энгельса: «...масса населения, спустя четыреста лет, вернулась как будто бы целиком к своему исходному положению»¹⁰.

«И все же за эти четыреста лет был сделан шаг вперед... Исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие... Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»¹¹. Действительно, в IX в. институты позднеимперского права как бы снова внедрились в жизнь, сделавшись *основными формами эксплуатации*.

Переходный строй в Западной Римской империи был закономерным процессом. Существовала революционная ситуация, острая внутриклассовая борьба, поиски новых форм эксплуатации, развивающаяся активность масс в различном оформлении своего протеста против существующего режима, вплоть до вооруженных выступлений. Римская армия из местных свободных или зависимых граждан была ненадежна и в протесте против существующего режима легко присоединялась к любому мятежному вельможе в борьбе за власть и к любым религиозным спорам. Однако революции не произошло. Внешнеполитическое положение в значительной степени осложнило ситуацию.

Асинхронное развитие германских племен уже как бы приближалось к концу. Германские вожди не только вошли в среду римской знати, они даже стали вытеснять ее! Дочь варвара стала императрицей, дочери императоров стали женами вождей-варваров! Варварские племена включались массами в римскую армию, их вожди становились командирами армий.

Асинхронное развитие отсталого народа можно сравнить с прививкой плодоносной ветви от дерева более высокой породы: так влияние античности привило германским варварам *чувство «нового»*, направление их активности, *волю* овладеть благами более высокой культуры, *тенденцию к рабовладельческому строю*. Они стали отказываться от примитивного быта, от своих богов, своих обычаев, от своего языка, готовы были принять христианство — совсем для них чуждую идеологию, лишь бы превратиться в самых откровенных эксплуататоров римских трудящихся. Их цель — стать военным привилегированным господствующим сословием на территории Римской империи... Никаких целей уничтожить рабство у них не было. Наоборот, порабощение было их целью.

Родоплеменное внутреннее единство их общин использовалось лишь постольку, поскольку это сохраняло внутреннюю сплоченность завоевателей. Все «добродетели» родового общества фактически оказались в данной ситуации только *vertu des voleurs*. *Никаких элементов революционной ситуации у них не могло быть*. Именно это отдаляло германцев от римских масс и сближало с римской знатью, делало германцев квалифицированными карателями, союзниками знати. Таким образом, появление на авансцене истории Рима варваров имело двоякий характер. С одной стороны, варварские набеги вызвали увеличение налогов, повинностей, гнета и углубляли причины революционной ситуации, с другой — союз варваров со знатью Рима затруднял возможность перерастания революционной ситуации в революцию.

Чем больше варварское общество развивалось асинхронно, чем одностороннее оно воспринимало достижения военного дела, тем опаснее становилось для римского мира. Варвары стремились утвердиться на территории Римской империи — использовать военно-грабительский характер своего строя для завоевания разлагающейся в условиях революционной ситуации Римской империи.

Ввиду постоянной мобилизационной готовности варвары имели преимущества над оборонительным фронтом римского *лимес*. Блестящие их победы привели к тому, что варвары ввели в позднеримскую империю отношения завоевателей и побежденных, причем все слои победителей-варваров стремились оставаться в ранге привилегированной военной прослойки господствующего класса рабовладельцев.

Но как раз тенденция варварских движений — к статусу рабовладельческой знати — встретила с самым серьезным осложнением.

Когда варвары проникли в Римскую империю в качестве завоевателей в V в., то в самой Римской империи уже происходила отчаянная внутренняя борьба на идеологическом фронте — против идеологии рабовладельческого общества. Нужно отметить, что наступавшие на Римскую империю варвары-завоеватели были настолько пропитаны влиянием извне, что уже выступали как христианизованные и могли принимать участие в борьбе против язычества, *одновременно ломая и свои собственные пережитки родоплеменной идеологии.*

Но в целях единства руководящей знати варваров с рядовыми воинами-варварами естественно было стремление сохранить традиции и обычаи родоплеменного общества. Получилось осложнение: в то время как христианизация ломала семейный быт и идеологию родового общества, законы варварских королей стремились сохранить старинные обычаи, чтобы придать силу единства завоевателям против завоеванных римлян¹².

Разумеется, асинхронное развитие продолжалось. Варварская знать отбирала у римской знати одну или две трети хозяйств или полностью «по законам войны»... Эти хозяйства уже не были построены по типу Катона, Варрона и Колумеллы. Это были хозяйства по конституциям кодекса Феодосия и новелл Юстиниана. Перенимать от римлян эти новые учреждения основной массе завоевателей и знати значило перескочить от обычаев родоплеменного общества (хотя и разложившегося под влиянием асинхронного развития), минуя развитые нормы рабовладельческого способа производства, *прямо к институтам зарождавшейся феодализации.*

Это было *сложным видом асинхронного развития* — влияние извне, минуя целую эпоху развитого рабовладельческого строя! Но нужно отметить, что институты разложившегося рабства были внешне похожи на институты раннего зарождавшегося рабства. Пекулий, особенно развившийся в разлагающейся рабовладельческой формации, так внешне походил на «патриархальное» рабство; *servi censiti* — на данников поработанного внешнего племени, «провинциалов», *coloni adscripticii* — на летов.

Хотя эти институты не имели ничего общего со стороны генетическо-каузальной, но это сходство, нужно полагать, облегчило освоение новых, феодализирующих общество, институтов.

Безусловно, такое перепрыгивание через формацию («транссалтация») было невозможно без определяющего и направляющего влияния извне, без асинхронного развития¹³.

В. И. Ленин самым точным образом признавал определяющую роль прогрессивных влияний извне. Говоря о росте революционных движений на Востоке в начале XX в., В. И. Ленин писал: «...Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые *сотни и сотни миллионов* людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад»¹⁴.

В отношении развития, минуя промежуточные этапы, В. И. Ленин

указал, что переход к коммунизму, минуя капиталистическую стадию, возможен «с помощью пролетариата передовых стран»¹⁵.

Помощь со стороны передового класса давала одновременно и деструктивные моменты для отметания тормозящих элементов прошлого, и заимствование основных *достижений* прошлого, и конструктивные моменты для строения будущего — все это элементарно понятно. Но разве не таким же результативным было влияние извне в IV—VI вв.? Ведь тогда влияние новых институтов и новой идеологии одновременно приводило к медленному или быстрому отмиранию тормозящих порядков прошлого, давало освоение необходимых достижений прошлого и направление к дальнейшему квазисамобытному развитию и затем вело к созданию нового общественного строя?

При «простом» асинхронном развитии, когда масса не готова к принятию иноземного влияния, но имеет внутреннюю тенденцию к рабовладельческому строю, закономерной являлась ведущая роль верхов варваров и прямая ассимиляция родоплеменных общностей¹⁶. Это изменилось в условиях асинхронного развития, когда отсталые народности являлись завоевателями, сменившими власть Рима. В основном в организации общественного строя в период завоеваний знать потеряла уже направляющую роль; и варварская, и римская, и церковная знать стремилась сохранить по возможности свои преимущества социального характера и некоторые культурные достижения античности¹⁷. Но сила была на стороне варварских масс.

Завоеватели (остготы, вестготы, вандалы, бургунды, баварцы, лангобарды и др.) представляли собой и во время нашествий и после захвата власти компактную массу военного сословия¹⁸.

Варварская знать осознавала свою зависимость от масс и во всех законах старалась противопоставлять победителей побежденным, особенно подчеркивая привилегированность даже простых варваров перед римлянами, выдвигая на первый план *народность*¹⁹.

Во время завоевания все семьи победителей получали земли на римской территории и поэтому все формы аграрной деятельности и все феодализирующие институты, развивавшиеся в позднеримской империи, становились известными любому варвару. Что касается производительных сил в аграрном строе и технике, то влияние поздней античности было непреодолимым. После переселений асинхронное развитие проходило не через знать, а непосредственно давалось массам, которые могли видеть и отрицательные моменты завоеванной страны, и достижения в аграрном хозяйстве и ремесле. Отсюда произошло преобладание деструктивных направлений в культурном развитии и относительный континуитет в аграрной технике и отчасти в ремесле, несмотря на варваризацию сельского хозяйства на тех территориях, где местное население было уничтожено полностью, или в районах сплошных поселений варваров.

Что же касается вводимых позднеантичной знатью общественных институтов, то их внешнее сходство с родоплеменными институтами имело двойственный характер — сначала укрепило традиции первобытности и внесло в страну упадок, не только от военных ужасных раз-

рушений, но и упадок стадильно-социальный. Бывшая Римская империя как бы вернулась к далекому прошлому, к традициям, существовавшим до эпохи «12 таблиц».

С другой стороны, это сходство облегчило принятие тех форм производственных отношений, которые достались в наследство от Римской империи в аграрном строе, облегчило влияние институтов поздней античности в практике разрешения социальных конфликтов в направлении к феодализации.

Однако в первые века завоеваний социальные конфликты в аграрных отношениях не являлись типичными, поскольку все сословие завоевателей было наделено землей, власть землевладельца временно потеряла значение. Но основанные на развитии производства закономерности феодализации имели непреодолимое значение в дальнейшем развитии. Владение и собственность на землю стали основой, определяющей структуру общества²⁰.

Характер асинхронного влияния особенно сказался на судьбе института рабства²¹. Пекулий фактически был формой патриархального рабства, как самостоятельное ведение работ в дополнение к хозяйству семьи господина. Но особенно развившийся пекулий в позднеантичном строе было скорее предпринимательством (с использованием деловых качеств раба) или в производственно-торговых связях, или как обычный стимул в увеличении производительности труда в сельском хозяйстве. Но после того, как хозяйство, построенное на рабовладельческом способе производства, оказалось коммерчески социально невыгодным, поздняя античность стала переходить к соединению рабского статуса с мелким, самостоятельным в распоряжении средствами производства хозяйством.

При утверждении власти завоевателей институт рабства, в основном статус раба как вещи²², значительно расширился. Воспитанная на асинхронном развитии германская знать стремилась полностью занять место римской, не осознавая изменений рабства в позднее время, пыталась жить так, как жил к моменту завоеваний крупный рабовладелец — собственник поместий (типа Сидония Аполлинария). Но во время варварского господства так жить было уже невозможно: столь презрительно относиться к низам, как это могла позднеимперская знать, варварской знати было опасно: знать была связана с массами как сословие завоевателей. Все традиции рабовладельческой знати пришлось постепенно оставить. Союз варварской и римской знати, который был характерен для времен существования Римской империи, когда варварская знать слепо следовала римскому образцу, с установлением варварской власти исчез. На авансцену политики вышли королевская власть и военное сословие, представлявшее всю военнообязанную массу в целом.

Когда в период, переходный к феодализму, закономерно победило мелкое аграрное производство, положение рабов круто изменилось. Раб стал дополнением к труду мелкого свободного земледельца или продолжал оставаться в челяди знатного человека. Производственная концентрация рабов исчезла, а с ней исчезла и острая опасность рабских

выступлений. Раб получал «рабский манс», подобно тому, как получали пекулий в Поздней империи. Раб вливался в общину, и варвары, которые в течение долгого времени имели тенденцию к рабовладельческому строю под воздействием своей знати в закономерностях асинхронного развития, теперь восприняли от римлян рабство уже в таком виде, каким оно было в период его разложения, *минуя период наивысшего развития рабства*.

В данном процессе мы не видим никакого синтеза²³. Получив рабов, получив уже готовое хозяйство или под воздействием окружающего, варвары тем не менее цеплялись за свои институты. Разумеется, борьба за традиционное родоплеменное хозяйство проявлялась, но это был не синтез, а борьба с победой тех институтов разлагающегося рабства, которые существовали в самое позднее время античности. Рабство перестало быть классом, потому что в отношениях к средствам производства раб не стал отличаться от любого свободного зависимого.

Но само сохранение юридического статуса бесправного перед господином аграрного раба в течение всего раннего средневековья (*servi*) принесло тяжелые формы гнета, которые имели тенденцию при некоторых ситуациях распространяться позднее на любые формы зависимости.

В данном случае асинхронное развитие принесло, с одной стороны, для рабов — трансформацию в класс феодальных трудящихся, с другой, для феодализма — адаптированный им вредный пережиток рабовладельческого строя.

Что же касается королевской власти, то, казалось бы, в этом отношении асинхронное развитие являлось совершенно естественным, так как завоеватели приняли власть с административной системой как бы *в готовом виде*²⁴. Но попытки асинхронного развития государственной машины в условиях неготовности всей массы завоевателей вызывали протесты с их стороны и серьезно ограничили власть короля. К тому же ужасные разрушения, перемещение собственности из рук господствующего класса вынудили отказаться от попыток оставить в неприкосновенности налоговую систему, основу деятельности бюрократии.

Темпы и основной характер направления асинхронного перехода родоплеменных отношений к процессам феодализации определялись не знатью и не королевской властью, а основной массой завоевателей. Именно они, практически и социально вошедшие в среду непосредственных производителей, осуществили асинхронный переход от родоплеменных пережитков к новому обществу, построенному на частной собственности, и владению над средствами производства (алод).

Соединение у варваров-завоевателей военной профессии с ведением аграрного хозяйства было характерно с самого начала утверждения их на территории Римской империи²⁵. Однако дальнейшая тенденция вела к отделению военной профессии от крестьянского труда.

Именно королевская власть, была действующей силой в развивающихся процессах дифференциации в недрах сословия завоевателей, выделявшей из их среды представителей власти, и новой землевладель-

ческой знати. Огромная масса потомков сословия завоевателей в бесчисленных военных походах и особенно путем взыскания вир была превращена в класс непосредственных производителей, бедных, трудолюбивых крестьян на землях короля, а вместе с тем — на владениях светских и церковных землевладельцев.

Что же касается общей культуры, то настала «средневековая ночь» — всеобщий упадок! Если были тщетные попытки сохранить ее в определенных кругах VI в.²⁶, возродить культуру при Карле Великом, то они давали слабый результат. Но все-таки античная культура не погибла — ее влияние постепенно побеждало культурный спад и традиции варварского общества. В. И. Ленин писал: «...Каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть нельзя, ее будет трудно возродовать, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно».

Развитие культуры всего западноевропейского общества находилось под определяющим влиянием античной цивилизации...²⁷

* * *

Одним из центральных направляющих форм асинхронного развития являлось христианство, которое во многом стало организующей, мобилизующей и ломающей прошлые устои силой²⁸. Германцы и славяне миновали период генезиса христианства, эпоху протеста против рабовладельческого государства вплоть до превращения в господствующую религию. Христианство принято было варварами в готовом виде не только в отношении идеологии, но и как наиболее мощный носитель процессов феодализации в массы. При этом церковь и монастыри использовали для закрепощения те же самые пути, которые так остро когда-то в отношении позднеримской знати критиковал Сальвиан.

Минуя весь период отчаянной борьбы за чистоту христианской догмы с IV до середины V в., масса Запада VI—IX вв. пассивно воспринимала те положения организации быта и нравственности, которые следовало привить крепостному населению феодального мира. В этом асинхронном развитии христианства как идеологии у варваров не было ни зерна синтеза: христианство проводило чистоту своего учения бескомпромиссно, круто переосмысливая старинные обычаи и верования, так что в дальнейшем только внимательные историки могли видеть в разных локальных христианских обрядах и мифах языческое их происхождение.

Если у римлян и греков этот процесс развития христианской идеологии был закономерным, самобытным, то для германцев и славян — асинхронным. Не признавая революций снизу, церковь тем не менее проводила сверху самые глубокие перемены, всегда оставаясь догматически на положении церкви в позднеантичном обществе.

Завоеватели-варвары оказались завоеванными христианской идеологией, тесно связанной с интересами крупного феодального землевладения.

Нужно отметить, что развитие христианства на базе асинхронного развития оказалось более самостоятельным, чем на Востоке, где в самобытном развитии христианской идеологии в бурных и кровавых религиозных спорах оказались на первом месте монархи и светская власть, тогда как на Западе церковь могла опираться на массу, некритически принявшую христианство в готовом виде.

Христианство первоначально выступало «как римлянка», опираясь на более высокую культуру, на письменность, причем из античной культуры христианство стремилось сохранить все, что могло быть переосмыслено и адаптировано в интересах христианизации. Лишь после того, как окончательно утвердилась и окрепла церковно-монастырская собственность, церковь стала выступать как феодал, стала приобретать национальный характер, однако силу свою черпала именно в единстве организационном и идеологическом, в относительной централизации. Сплоченные действия церкви, королевской власти, культурных прослоек остатков интеллигенции в асинхронном развитии смогли завершить ее и закончить переходный период к началу IX в.

* * *

Иначе проходило асинхронное развитие в тех странах, где объектами этого развития были не завоеватели, но завоеванные. Мы имеем в виду такие племена, как саксонцы, тюринги и др. В данном случае завоеванные, как знать, так и массы свободных варваров с их зависимыми летами и рабами, перешли под власть христианской франкской державы. Сумев привлечь на свою сторону знать после длительной борьбы, Карл Великий в союзе с церковью произвел грандиозную ломку социальных и культурных отношений, которые путем жесточайших насилий должны были стать христианскими. Светская власть карала за всякие отклонения от христианских обрядов и верований — и в то же время, подчиняя саксонцев и другие племена крупным землевладельцам, вводила население в феодальный строй, минуя прохождение рабовладельческого²⁹. Хотя христианизация и отход от родоплеменного быта и оказались успешными, хотя восприятие как культуры, так и феодальных институтов и феодальной собственности в основном происходило наравне с франкским государством, но завоеванные германские племена сумели сохранить свой язык и народность, тогда как народы — бывшие завоеватели потеряли свой язык и народность³⁰.

Впрочем, политическое подчинение Саксонии было относительно кратковременным и сопровождалось знаменитым восстанием Стеллинга (841—843), которое, хотя и было разбито, но затормозило распространение влияния франкского государства в северо-восточную Германию. Можно сказать, что с середины IX в. роль асинхронности завершилась дальнейшим самобытным закономерным развитием в большей части Западной Европы.

Остается отметить еще один тип — суверенные народы, которые не были ни завоевателями, ни завоеванными, — в основном скандинавы.

Самобытное развитие их проходило не вполне самостоятельно. Переселения народов, отдаленные торговые отношения спорадически существовали. Асинхронное влияние действовало, хотя в узких кругах, но определяюще оно выразилось в военно-грабительских походах на более передовые страны. В процессе разрядки перенаселенности страны некоторые элементы племени отправлялись в походы: они противопоставляли дикое мужество и единство грабителей полному отсутствию единства в странах феодальной раздробленности.

Будучи в ничтожном количестве, они полностью отрывались от своей родины и быстро поддавались влияниям более передовых стран³¹. Но факт отрыва завоевателей от родины приводил к консервации местного строя, к замедленности асинхронного развития.

Положение изменилось после IX в., когда все страны Западной Европы перешли к феодальному способу производства. В результате добыч, в результате обогащений от наемничества и контактов с феодалами Англии, Германии и Франции окрепли отдельные круги знати в Скандинавии. Заинтересованные в эксплуатации мелких самостоятельных хозяйств через королевскую власть, они приняли христианство как самое сильное средство асинхронного воспитания неготовых к новым отношениям непосредственных производителей. Это асинхронное стремление проведено было путем самых жестоких кровавых преследований и междоусобных войн. И Скандинавия и Дания тоже пришли к феодализму, минуя рабовладельческие отношения, не в результате внутреннего спонтанного развития, а в закономерностях крутого сдвига, в асинхронной метаморфозе общества, учитывающей специфику локальности.

* * *

Мы должны прийти к следующим выводам. Там, где родоплеменное общество переходило в процессе асинхронного развития в рабовладельческое — такое общество обычно быстро ассимилировалось. Там, где отсталые племена вторгались в Римскую империю в период разложения рабовладельческого строя, происходила не ассимиляция, а синтез языковой, этнический, психологический, бытовой. В странах, где синхронное развитие было привнесено извне путем временного завоевания или воздействия соседней культуры, сохранился этнический состав, язык, свои традиции и народные особенности. Но что касается принятия общественных институтов, навешанных асинхронным развитием при переходе к новому способу производства, там не было места синтезу — там происходила закономерная борьба передовых элементов с отсталыми при конечной победе прогрессивных в системе экономических формаций³².

Понятие асинхронного развития тесно связано с ленинским учением о государстве. Во всей предыстории человечества всякое развитие связано с изменением форм власти эксплуататоров над трудовым населением.

Асинхронное развитие в первую очередь проникает в среду знати, которая закономерно стремится создать аппарат насилия для подчи-

нения трудового населения и диктатуру в дальнейшем существовании общества. Это — государство. При асинхронном развитии образцы государства более прогрессивных стран, безусловно, становились направляющими. И когда прослойки знати племенного общества в порядке организации королевской власти, дружин фактически создавали такую машину насилия, то асинхронное развитие получало широкую действенность. И хотя для господства данного класса еще не было реальных экономических условий, хотя общество еще не было готово к переходу на новые рельсы, однако организованная *государственная машина* с органами принуждения *создавала эти необходимые условия* всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

И там, где конструктивные акты асинхронного развития прошли в буре деструктивных разрушений, там государственная власть нового господствующего класса оказывается очень сильной для самостоятельного дальнейшего развития и даже получает возможность перегнать те страны, которые самобытно переходили к новому строю и где прошедшие деструктивные акты недостаточно уничтожили влияния отживших институтов и идей прошлого³³.

Так, Византия, отбившая в IV—V вв. нападение варваров и пришедшая путем самобытного революционного развития к процессам феодализации, оказалась после многовекового культурного первенства в числе отставших стран.

«История, как бабушка, любит младших внучат...»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. А. Барг, Е. Б. Черняк. Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 67. («Анализ структур регионов при их взаимодействии требует учета... на какой стадии своего исторического развития данное общество было «захвачено» новой формацией в орбиту своего развития; какова это формация, какова ее разновидность»).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 20.

³ В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

⁴ Поиски рабовладельцами наибольшей выгоды от института рабства происходили в продолжение всего рабовладельческого строя. Попытки смягчения положения рабов еще не означали кризиса рабства. Массовый отпуск рабов на свободу был средством поощрения трудолюбивых и послушных рабов, орудием романизации провинций, где вольноотпущенники, пользуясь именем и правами римлян, проявляли свое предпринимательство и фактически были орудием устойчивости рабовладельческого общества. Смягчение рабства, коллегия рабов безусловно ослабили единство рабов и их волю к восстаниям. Пришелец и вчерашний раб начинал чувствовать Италию родиной и принимал ее язык как свой родной. — М. Е. Сергеенко. Ремесленник древнего Рима. Л., 1968, с. 74—75; В. И. Кузищин. Римское рабовладельческое поместье 2 в. до н. э. М., 1973; Ю. К. Колосовская. Римский торговый капитал в Норике в 1 в. до н. э. — ВДИ, 1974, № 4. О развитии техники в период расцвета рабовладельческих отношений см.: F. Kiechle. *Sklavenarbeit und technischer Fortschritt in Römischen Reich*. Wiesbaden, 1969.

⁵ См.: М. Я. Суюмов. Дофеодальный период. — В сб.: АДСВ, вып. 8. Свердловск, 1972, с. 3—41.

⁶ Мы не можем преуменьшать исторической роли господствующих прослоек в обществе при таких исторических ситуациях, когда знать делалась проводником закономерно прогрессивных функций. О роли господствующего класса Ф. Энгельс писал:

«тот факт, что господствующие классы в период своего восходящего развития выполняют вполне определенные социальные функции и именно благодаря этому становятся господствующими, — этот факт ему (Менгеру. — М. С.), следовательно, совершенно неизвестен». — Ф. Энгельс. Юридический социализм. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 502.

⁷ «Война — это один из самых первобытных видов труда каждого из этих естественно сложившихся коллективов как для отстаивания собственности, так и для приобретения ее». — К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, с. 460. О стадии военной демократии варварских племен на Балканском полуострове см. у Прокопия: «О постройках»: это «враги, начинающие войну безо всякого сообщения и не признающие общественных законов. Ведь у этих врагов закон — начинать войну не по какой причине». — IV, 1, 67.

⁸ Насколько у варваров в IV в. уже развилось денежное обращение, говорят запреты императором Валентинианом уплаты в торговле золотом (374 г.), повторенные Юстинианом (IV, 63, 2).

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 271—272.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 153.

¹¹ Там же.

¹² Это стремление сохранить единство среди завоевателей вполне понятно: у завоеванных римлян (несмотря на часть знати, пресмыкавшейся перед варварскими королями) сохранялся патриотизм как среди интеллектуалов, так и среди широких масс. Ни во Франции, ни в Италии, ни в Испании, ни в Паннонии не удалась германизация. См.: F. Paschud. Roma aeterna. Etudes sur le patriotisme Romain dans l'Occident latin à l'époque des grands invasions. Roma, 1967, p. 390.

¹³ М. А. Коростовцев. ПСЭФ, с. 88.

«Факты превращения доклассовых обществ в феодальные можно объяснить лишь влиянием соседних феодальных обществ...»

М. А. Барг и Е. Б. Черняк (ПСЭФ, с. 72) приводят три типа трансальтации — «перепрыгивания» через формацию:

1) когда в контакты вступают народы двух формаций и когда те и другие формации находятся в разлагающемся состоянии; 2) когда отсталое общество вступает в связь с обществом, находящимся на начальной стадии более высокой формации (саксы и фризы, попавшие под власть франков); 3) деформированный тип — когда передовая страна вступает в отсталую только отдельными элементами своей структуры... (при капитализме). Но в процесс асинхронного перехода, минуя формацию, может включиться не только страна разлагающегося общества, но и находящаяся в развитом родоплеменном обществе. Принцип «разложения родоплеменного общества» приложим к любому бесписьменному родоплеменному обществу, ведущему войны с соседями. Но, конечно, лучше было бы отметить, что речь идет об обществах, уже испытывавших результаты асинхронного развития.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

¹⁶ Римляне прекрасно осознавали действительность культурного превосходства и сознательно проводили ассимиляторскую политику. Мы знаем, что многие народности, включенные в римскую общность, исчезали не потому, что были физически уничтожены, а в силу мощи более высокой социальной стадии.

Яркий пример, приводимый в античности у Фемистия, XVI, p. 257: «Посмотрите на галатов. Они по закону войны вошли в Азию и, выселив всех из района Галиса, остались на той земле... Но никто сейчас не назовет галатов варварами, но полностью римлянами».

¹⁷ Что мы понимаем под словами «варварская знать» в период нашествий на Римскую империю? Разумеется, это уже не племенная жреческая знать — в походах варваров III—V вв. ее не видно. Это не землевладельческо-рабовладельческая знать — племя было в процессе передвижения! Это была выделившаяся благодаря военным удачам знать военного сословия; фактически командный состав варварских военно-грабительских объединений. Включаясь в римскую армию в IV и начале V в. этот командный состав превращался в обычную военно-землевладельческую, рабовладельческую римскую знать. Но при завоеваниях наследственная знать фактически отсутствовала: в V в. знатный — это окружающий короля и от него получивший по разделу или по пожалованию землю с подвластным населением.

¹⁸ Б. Ф. Поршнев. Роль социальных революций..., — ПСЭФ, с. 32. Автор считает, что вершиной социальной революции, разрушившей рабовладельческий строй, была эпопея лангобардского завоевания и разрушения рабовладельческой Римской империи. Однако в данном отношении где же была социальная революция? Лангобарды были завоевателями. Безусловно, деструктивную роль они сыграли — перемещение поземельной собственности рабовладельческой знати проведено ими последовательно. Но социальную неудачную революцию с широким движением масс как против готских завоевателей, так и против византийских освободителей нужно искать в событиях 530—555 гг. Этим только можно объяснить легкость утверждения лангобардов в Италии.

¹⁹ У племен завоевателей можно отметить намерение этническое начало сделать основой деления на общественные классы. Но этнический элемент зависит от языка, письменности, а факты показывают, насколько быстро совершается или исчезновение или синтез языков между бесписьменными завоевателями и коренным населением...

²⁰ Е. М. Штаерман. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. М., 1968; Н. И. Конрад. Средние века в исторической науке. — В сб.: Запад и Восток. М., 1966; М. М. Слонимский. Об античном способе производства. — В сб.: Проблемы новейшей истории. Воронеж, 1974, с. 83. Авторы считают, что для перехода рабовладельческого общества в феодальное необходимо варварское завоевание. Действительно ли закономерность перехода состоит в «синтезе» институтов рабовладения и родоплеменных? Факты показывают, что везде созданию феодализма предшествовало завоевание страны варварами. Факты столкновений с варварами совершенно естественны в силу наличия неравномерного развития народов. То, что в период разложения и упадка рабовладельческих государств варвары оказывались победителями, совершенно естественно. Но то, что именно варвары своими институтами повлияли на появление феодальных, — невероятно. Варвары смогли дать только упадок. Между тем каждое общество в своем развитии достигает момента, когда количество переходит в новое качество. В римском праве с IV в. уже стали оформляться институты феодализующего порядка. Это естественно, В. И. Ленин писал: «Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?». — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181. Именно эти зачатки будущего и оформляли кодексы Феодосия и Юстиниана с начала IV в., когда до завоеваний Римской империи еще было далеко. Именно о возвращении к этим институтам через 400 лет и писал Ф. Энгельс. К тому же ведь в Византии варвары не были завоевателями, а феодализация развивалась самобытно через революцию, перемещение собственности. Конечно, завоевания ускорили гибель рабовладельческого класса, но это только дало ускорение феодализации, а не создание новых институтов. «Нужно остерегаться от того ошибочного суждения, что конец римского рабовладельческого государства был одновременно и радикальным концом рабства у германских племен. Наоборот, непосредственное влияние переселения народов привело к увеличению рабов». — Н. Mottek. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Berlin, 1957, S. 79.

²¹ Сал. Пр. X.I — «Кража раба приравнивалась к краже коня или рабочего скота» (iumentum).

В широком смысле рабами в древних государствах могут быть названы и основные слои трудового населения, хотя юридически они принадлежали к категории «свободных». См.: Б. Ф. Поршнев. Роль социальных революций в смене формаций. — В сб.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975. Но если говорить о деспотиях Востока, о классической Греции, о древнем Риме периода республики, то при данном определении нужно иметь в виду только «порабощенные народы» в результате войн. Порабощение народов рабовладельческой страной входит в рабовладельческий способ производства.

²² М. А. Коростовцев. Рабовладельческая форма в свете исторического материализма. — В сб.: ПСЭФ, с. 78. Коростовцев считает не основным, но добавочным признаком бесправный статус раба, четвертый признак — бесправие; но если в первом признаке раб подобен волю, является только товаром, то ведь четвертый признак есть только оформление первого в законе — между базисным и надстроичным признаками имеется неразрывное диалектическое единство. Что касается конкретных отношений между людьми, то оформление в законах статуса (свободный, благородный, зависимый, раб) фактически для человека имело решающее значение, даже независимо от того,

участвует ли он в производстве или же имеет непроеизводственную профессию. Насколько «уживчивым» был именно статус раба, показывают общественные отношения, далекие от рабовладельческого строя, когда статус раба оформлял положение человека в самых гнусных для личности видах (вплоть до середины XIX в.).

²³ Касаая теории синтетного происхождения феодализма, Б. Ф. Поршнев рас- казал, что «беглая фраза Энгельса об этом феодальном синтезе (ПСЭФ, с. 38)» дала возможность ему (Б. Ф. Поршневу) опубликовать теорию о трех типах феодального синтеза, впоследствии развитую З. В. Удальцовой и Е. В. Гутновой. Однако в положениях своих, развитых в монографии «Феодализм и народные массы» (М., 1964, с. 512 и сл.), о теории трех путей в объяснении генезиса феодализма Б. Ф. Поршнев не обратил внимания на то, что синтез был фактически борьбой институтов и идеологий позднеримской империи, разлагающегося рабовладельческого строя с явно оформляемыми в кодексах конституциями феодального типа против отсталых институтов и идеологии разлагающегося под римским влиянием родоплеменного строя. Борьба, как известно, привела к победе позднеримских аграрных институтов и идеологии. Синтез же проявлялся только в языке, этносе и в разных видах локальной специфики.

²⁴ Стремление объяснить королевскую власть мифами древнегерманской религии и особой магической природой королевской власти не выдерживает критики. Все представления о сакральном характере королевской власти появились уже позднее времен великого переселения из христианских мотивов. — *Ernst Werner. Charismatisches Erbe merovingischer Adelsippen. ZfG. 1967, 7, S. 1207—1211.* О влиянии римского образца на королевское окружение варварских государств см.: *H. Mottek. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands... S. 64.*

²⁵ «Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания, и эта организация лишь после завоевания, — благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах, — развилась в настоящий феодализм». — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 74.* Сущность военного дела у варваров во время завоеваний заключалась в том, что завоеватели были военным привилегированным сословием, которое при наличии производительных сил и пробивающихся позднеримских институтов закрепило за собой позднеримские институты и в широком перемещении собственности фактически стимулировало развитие процессов феодализации.

²⁶ Короли варварских государств стремились овладеть римской культурой VI—VII вв. Особенно отмечается Сисебут в Вестготском государстве: *La Fontain. La culture poétique du roi Wisigoth Sisebut. — «Actes du congrès de l'Association Guillaume Budé». Grenoble, 1948; Walter Steck. König Sisebut — ein Mäzen des isidorischen Zeitalters. Die Antike, 1943.* «Не было такого времени в средние века, когда бы мыслители не обращались к античности. Античность не была открыта людьми Возрождения, можно говорить только о различном видении античности» — *С. М. Раскина. Политические теории Уильяма Оккама. — СВ, 36, 1973, с. 29.* Для придания авторитетности мысли приводились высказывания античных мыслителей. В этом заключалась средневековая аргументация. — *Там же, с. 45.*

Подобно тому как умиравший рабовладельческий строй оставил в наследство оформленные институты зависимости, поздняя античность передала феодализму основы образованности, по труду Марциана Капеллы о семи свободных искусствах, основы схоластики по трактату «последнего римлянина» Боэция, и основы теологии у Августина. — См.: *В. И. Уколова. Трактат Боэция «Об утешении философии». — СВ, 37, 1973.*

Зачастую в средневековых источниках даже этнический генезис народности изображался якобы от римлян и греков (Оттон Фризингенский историю франков начинал с Троянской войны).

²⁷ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 46.*

В историографии ГДР: *E. Müller-Martens, ZfG. 1966, 1, S. 71, An. 85* признает spätantike Substanz als unabdinbar für die neue wirtschaftlich-gesellschaftlich-geistige Qualität. Особенно резко против континуитета выступил С. М. Стам. См.: *С. М. Стам. Социальная структура средневекового города. — СВ, 34, 1971, с. 273.* В основном его концепция смешивает континуитет с эволюционностью, тогда как, по В. И. Ленину, всякое отрицание было в то же время моментом связи, с удержанием положительного (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 209.*)

²⁸ Ускорению перехода кочевников-венгров к землевладению способствовало приятие христианства. — *Д. Оболенский*. Выступление на XIV конгрессе в Будапеште 6—12 сент. 1971 г., т. 2, с. 98.

²⁹ Нужно отметить существенную разницу в процессах феодализации аграрных институтов: при завоеваниях германцев на территории Римской империи варвары не стремились создавать особые феодальные «уклады», но стремились включиться в уже готовые уклады в качестве господствующего класса. Наоборот, когда более прогрессивные франки проводили асинхронное развитие Саксонии, они стремились повсюду создавать по своим образцам со своими аграрными институтами феодализирующиеся «уклады» и по образцу старинных римских городов, перешедших в средневековье в «готовом виде», строить «новые» города.

³⁰ См. аналогию: *Л. Н. Гумилев*. Хунны в Китае. М., 1974. «Хунны победили китайцев, но перестали быть хуннами». Подобно этому можно сказать, что те германцы, которые завоевали Западно-Римскую империю, перестали быть германцами.

³¹ Походы викингов аналогичны греческой колонизации. Разница в том, что греки захватывали территорию отсталых племен, тогда как викинги обосновывались у более передовых народов.

³² «Каждый раз, когда завоевателями является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью вынужден усваивать даже его язык» (*Ф. Энгельс*) — *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, с. 188.

³³ В условиях слабости центральной власти, но при наличии социального неравенства и эксплуатации, естественно, развивается власть на местах. Государство как машина угнетения из централизованной делается локально-ограниченной. Этот факт изобразил О. Бруннер как *Schutz und Schirm*, предоставляемый феодалом населению, а зависимость и ренту как *Hilfe*, отменяя классовое содержание *Schutz* локальной власти. — *O. Brunner*. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassung. München-Wien, 1943. Но именно эти страны вышли на авансцену истории в X—XIII вв. и позднее. В более абстрактной форме излагают эту причину отставания стран старой культуры М. А. Барг и Е. Б. Черняк (ПСЭФ, с. 69). — Для некоторых стран, которые только с запозданием вступили в новую формацию «в силу исторической корреляции» создались особо благоприятные условия. Они не перенимали те отжившие, устаревшие институты, которые сохранились в ранних, перешедших в новую формацию странах.

Но нужно отметить, что влияние извне для суверенных стран давало только направление для деятельности верхушки, приносило идеологию, мобилизующую и реорганизовующую широкие массы, давало образованность, для непроектных профессий в первую очередь, все, что могло практически направлять развитие феодализма в самостоятельной, самобытной для народности специфике. Но тенденция к заимствованным переменам проводилась примитивным государством и церковью со всеми формами насилия, как рисуют факты в Древней Руси, Норвегии и пр... Только *последующие данные о развитии* феодальных институтов дают возможность утверждаться теориям о самобытном происхождении феодализма в «бессинтезных» странах, будто бы самостоятельно перешедших прямо от родоплеменного строя к феодализму.